

ПРОБЛЕМЫ ПЕРВИЧНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ В РЕГИОНАХ РАССЕЛЕНИЯ

Л.Н. Дьяченко

Рассматривается процесс депортационно-насильственного переселения народов в восточные регионы страны – Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, в частности в Киргизскую ССР, накануне и в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: спецпоселенцы; спецконтингент; массовые репрессии; депортированные; антисоветские элементы.

Накануне Великой Отечественной войны в СССР складывалась сложная ситуация. Фактически в государстве в любое время могло произойти разделение общества в отношении к функционировавшему режиму власти. Одна его часть поддерживала существующий строй, другая же представляла альтернативную силу. Безусловно, в этой обстановке власть делала все, чтобы не пошатнулись ее позиции, не были подорваны каким бы то ни было образом ее устои. Ужесточались меры, применяемые не только к отдельным гражданам и группам населения, выступавшим (открыто либо скрыто) против режима к отдельным народам. Репрессии проводились и против отдельных наро-

дов: немцев, даргинцев, черкесов и многих других. Насильственное переселение народов в восточные регионы страны – Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию – было одним из основных видов “наказания непослушных”.

Для многих депортированных Киргизия стала второй родиной на долгие годы. Судьба людей, прибывших в Киргизскую ССР, ничем не отличалась от судеб других переселенцев. Все приходилось начинать сначала: строить дома, растить детей, работать. Депортированные народы, как и в других регионах страны, были расселены по районам республики согласно заранее утвержденному плану [1].

“Далеко не везде спецпереселенцам со стороны местной администрации оказывался теплый прием, плохие условия жизни спецпереселенцев используются враждебно настроенными элементами...” [2]. Особенно много депортированных погибло в первый год после переселения из-за холода и плохого питания.

Людей, как правило, расселяли по колхозам и совхозам. Жилье было временным, часто люди ютились в землянках или просто в утепленных палатках. Им была предоставлена возможность построить собственные дома из местных материалов и тем самым обеспечить свои семьи индивидуальным жильем.

Депортированным семьям, нуждающимся в жилье, предоставлялся кредит в размере 5000 рублей сроком до 7 лет. Оставленные в местах прежнего проживания скот, птица и зерно возмещались переселяемым натурой: “...25 % в 1944 г., остальное – возместить в течение 1944–1945 гг. Кроме этого, надлежало обеспечить трудоустройство, мобилизовать автомобильный и гужевой транспорт для перевозки спецпереселенцев и их имущества от железнодорожной станции до места расселения” [3]. Выделенные государством ресурсы на строительство жилых помещений были распределены по районам, но далеко не все деньги доходили до спецпереселенцев. Были факты незаконного, не по назначению, использования стройматериалов, “...лес, предназначенный для строительства домов переселенцев, используется на строительство и ремонт контор” [4]. Ремонт и постройка домов для переселенцев проводились крайне медленно, “...многие семьи расселены в землянках, требующих капитального ремонта, негодных для жилья в зимних условиях. Дирекция к улучшению жилищных условий никаких мер не принимает” [5], “...сотни семей продолжают жить под навесами, во дворах” [6].

Условия жизни спецпереселенцев в регионах расселения были ужасающими, особенно в 1940–1949 гг.

Снабжение продуктами питания и промышленными товарами было крайне скудным, соблюдался принцип – “по труду”. В бараках, где жили спецпереселенцы, царил скученность и антисанитария, что стало причиной высокого уровня заболеваемости и смертности людей. Однако уже к началу 1946 г. смертность среди депортированных стала неуклонно снижаться, что отмечено в справке начальника спецпоселений Наркомата внутренних дел Киргизской ССР от 12 июня 1946 г.: “В 3 квартале 1945 г. умерло – 3999 чел. – 4 %; в 4 квартале 1945 г. умерло – 1774 чел. – 2 %, а в 1 квартале 1946 г. – 1681 чел. – 1,4 %, за счет стариков и больных” [7].

Постепенно уровень смертности снижался, воссоединялись семьи, улучшались жилищно-бытовые условия. Улучшение питания и медицинского обслуживания сказалось на трудоспособности.

Местные органы власти недооценивали всей серьезности и политической важности работы со спецпереселенцами, не занимались по-настоящему вопросами их хозяйственного и трудового устройства, вследствие чего “...семьи спецпереселенцев в большинстве районов находятся в очень тяжелых условиях, особенно в связи с наступлением холодов” [8]. Депортированные народы были обузой для местной власти, об их нуждах руководители местных организаций вспоминали в последнюю очередь; “...переселенческое управление при СНК Киргизской ССР, а также областные и районные советские органы крайне неудовлетворительно руководят и занимаются вопросами хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев ...не знают действительного положения на местах и не оказывают необходимой помощи переселенцам по удовлетворению их нужд” [9].

Принимаемые решения о выделении стройматериалов, одежды и обуви, продуктов питания выполнялись лишь частично. Нечеловеческие условия жизни, голод, тяжелый физический труд, как бесстрастно свидетельствуют документы, приводили к гибели тысяч людей. Наиболее шокирующими выглядят данные детской смертности: “... по данным на 5 июня большинство, т. е. 67 человек не работало по причине крайней истощенности, в большинстве дети, из которых умерло 21 человек, ... смертность среди спецпереселенцев никем не регистрируется...” [10].

Факты отчаянного положения спецпереселенцев вынуждены были признавать даже официальные власти. В справке Наркомата внутренних дел Киргизской ССР “О состоянии материального и бытового устройства спецпереселенцев из Северного Кавказа” от 18 августа 1944 г. отмечалось: “...по комендатуре выявлено крайне истощенных 73 человека, 13 человек умерло ... Медицинское обслуживание поставлено крайне плохо, санитарная обработка отсутствует...” [11], “...не приняты все спецпереселенцы по причине халатного отношения председателей колхозов..., отмечается низкая трудовая дисциплина по причине постоянного недоедания...” [12].

Довольно часто, особенно зимой, когда продукты завозились в недостаточном количестве, начинался массовый голод. Поскольку депортированные снабжались хлебом в последнюю очередь, их положение еще более ухудшалось. В отличие от местных жителей, большинство спецпереселенцев

не имело своего хозяйства и огородов и за исключением некоторых семей остались “не обеспеченными стройматериалами..., не получили приусадебных участков и многие остались без огородов” [13].

Архивные документы свидетельствуют, что имелись огромные проблемы в обеспечении депортированных жизненно необходимыми продовольственными и земельными ресурсами. “В соответствии с постановлением Совнаркома Союза ССР от 3 апреля 1944 г № 350-102с обязать: Ошский, Фрунзенский, Джалал-Абадский и Иссык-Кульский облисполкомы не позже 15 апреля 1944 г. обеспечить спецпереселенцев чеченцев, карачаевцев, ингушей и балкарцев приусадебными участками за счет земель госфонда, неиспользованных земель колхозов и совхозов...” [14].

В большинстве колхозов фонды продовольствия для организации общественного питания работающим в поле и оказание единовременной помощи крайне нуждающимся были весьма ограничены. Отпускаемые переселенцам по нарядам мука и крупа часто заменялись зерном низкого качества и выдавались несвоевременно: “...паек, выдаваемый в счет расчета, выдавался с большим опозданием. Так, за март месяц выдан 20 марта, за апрель – 10 апреля, за май – 16 мая. Причем только в мае выдана полная норма, а за март выдано по 3 кг... выдача производилась зерном, которое спецпереселенцы мололи сами, за что с них взымали гарнцевый сбор” [15].

Несвоевременность выдачи отпущенных государством продуктов приводила к тому, что “... остро нуждающиеся семьи спецпереселенцев не имели хлеба и др. продуктов питания от двух до пяти дней...” [16].

Проверкой на месте было установлено преступное отношение к распределению и выдаче спецфондов спецпереселенцам: “... в Кировском районе Райторг задержал раздачу спецпереселенцам 1290 кг зерна из апрельского фонда по 13-е июня...” [17], “...в виду несвоевременной раздачи семенника, а также в связи с не достаточным питанием переселенцев, последние употребляли его в пищу” [18]. Из-за плохого и нерегулярного питания в этом районе имелось много больных и истощенных от недостатка питания людей.

В целях дальнейшей социального обустройства переселенцев в ряде районов спецпереселенцам начали раздачу скота, что, несомненно, улучшило их хозяйственно-бытовое положение и вызвало заинтересованность к работе: “...в соответствии с постановлении Совнаркома СССР от 9 марта 1944 г. Совет Народных Комиссаров Киргизской ССР постановляет: обязать Наркомьясомол-

пром, облисполкомы передать в течение 1944 г. из текущих заготовок спецпереселенцам (чеченцам, ингушам и карачаевцам) по одной телке весом не более 200 кг. На каждое семейство выдать ... взамен телок овцекозоматок из расчета за каждую телку 2–3 овцекозоматки...” [19].

Однако из-за отсутствия контроля со стороны местных властей и управляющих организаций “Заготскот” допускались факты грубого нарушения выдачи переселенцам животных. Чтобы не умереть с голоду люди забивали скот. Районные партийные и советские органы не придавали этому должного внимания, не принимали мер к обеспечению населения пастбищами и отводу участков для заготовки кормов, трудового устройства спецпереселенцев и созданию им нормальных бытовых условий.

Огромные проблемы переселенцам создавали и применяемые местными властями подходы к организации расселения депортированных. При региональном распределении переселенцев на новые места проживания абсолютно не учитывались родственные связи, в результате чего многие семьи оказались разъединенными. Родственники направлялись на проживание в населенные пункты, расположенные в разных районах.

Разобщение семей депортированных северокавказских народов также отмечалось при расселении в Киргизии. Однако эта практика не имела столь катастрофических последствий, как у других народов. К примеру, разобщение семей не отразилось сильно на языковой ситуации и этническом самосознании чеченцев и ингушей, так как в силу этнокультурной и семейно-бытовой чеченской и ингушской специфики широкие и крепкие родственные связи не позволяли оторванным от своих семей людям остаться в одиночестве, забыть родной язык, традиции и культуру. Здесь советскому руководству не удалось ассимилировать чечено-ингушский этнос, достигнуть цели – интернациональной советизации кавказских народов.

Среди спецпереселенцев Кавказа оставались сильными родовые и семейные связи. Так, отмечалось, что “хуже всего, что каждую субботу спецпереселенцы самовольно отлучаются в районы по месту жительства своей семьи по 50 и 60 человек, которые являются на работу с большим опозданием, т. е. на 2–3 дня. Приходят завшивленные и не желают проходить санобработку, а часть из них совершенно дезертирует” [20].

Из этого следует, что центробежные этнические процессы в среде спецпереселенцев были достаточно сильны, местные власти были не в состоянии с ними справиться самостоятельно.

26 ноября 1948 г. Верховный Совет СССР издал Указ “Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны” [21]. Он определял, что депортированные высланы навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Согласно указу, самовольное оставление мест спецпоселения наказывалось двадцатью годами каторжных работ. После принятия данного закона количество побегов сократилось в 3,5 раза.

В то время, когда вся экономика страны работала на войну, руководители на местах зачастую старались за счет переселенцев, которых они искренне считали врагами народа, поправить материальное положение своих хозяйств и предприятий, которыми они руководили. Здесь в очередной раз мы наблюдаем торжество советской идеологии, ставящей общественные интересы выше личных. В самом деле, что стоит жизнь пары семей поселенцев по сравнению с судьбой целого колхоза, работающего на оборону страны? Поэтому в процессе обустройства переселенцев подобные нарушения носили повсеместный и массовый характер как на местах, так и по республике в целом.

Немаловажно отметить, что осуществление переселения в самое тяжелое время года, пришедшее на ноябрь 1943 г., февраль и март 1944 г., резко снижало возможность для создания приемлемых условий жизни на местах расселения депортированного населения.

Не следует также забывать, что плановая экономика с ее широко разветвленным бюрократическим аппаратом допускает факты мошенничества и приписок, пусть даже под угрозой уголовного наказания.

Централизованная система распределения продовольственных ресурсов не учитывала специфики, а главное, региональных возможностей местных хозяйств, работающих на оборону страны. Призывы и приказы перевода всего трудоспособного населения страны на полувоенное положение с сопутствующей жестокой системой карательных мер, с точки зрения обывателя, вступали в противоречие с идеей кормить “врагов народа”.

Властные структуры республики были в нелегком положении, так как во время Великой Оте-

чественной войны республика приняла тысячи эвакуированных из оккупированных регионов страны, и население жило очень скудно. Но в то же время, по сравнению с соседними республиками, первичная адаптация депортированных народов в Киргизской ССР протекала более или менее благоприятно.

Литература

1. Постановление Совнаркома Кирг. ССР. № 34-306/10 “О расселении спецпереселенцев по районам Фрунзенской, Ошской и Джалал-Абадской областей”. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 160. Л. 76–79.
2. Из докладной записки начальника Наркомата внутренних дел по Джалал-Абадской области 9.06. 1944 г. ЦГА КР. Ф. 1445. Оп. 2 с. Д. 34. Л. 13–20.
3. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 76. Л. 139–140. Зав. копия.
4. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 206. Л. 177–184.
5. ЦГА КР. Ф. 1445. Оп. 2 с. Д. 34. Л. 13–20.
6. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 334. Л. 42 – 50.
7. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 212. Л. 57–67.
8. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 164. Л. 55–57. Зав. копия.
9. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 180. Л. 247–250.
10. ЦГА ПД КР. Ф. 406. Оп. 2. Д. 154. Л. 29–32
11. ЦГА КР. Ф. 1445. Оп. 2 с. Д. 34. Л. 13–20.
12. Справка Наркомата внутренних дел Кирг. ССР. О состоянии материального и бытового устройства спецпереселенцев из Северного Кавказа 18.08.1944 г. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17. С. Д. 212. Л. 45–56
13. ЦГА КР. Ф. 1445. Оп. 2 с. Д. 34. Л. 13–20.
14. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. 172. Л. 30.
15. ЦГА КР. Ф. 406. Оп. 2. Д. 154. Л. 3–4.
16. ЦГА ПД КР. Ф. 406. Оп. 2. Д. 157. Л. 29–32.
17. ЦГА ПД КР. Ф. 406. Оп. 2. Д. 154. Л. 47–49.
18. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 5. Д. 445. Л. 60–63.
19. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17 с. Д. Д. 212. Л. 45–462.
20. Постановление Совнаркома Киргизской ССР № 217с. “О передаче телок спецпереселенцам в местах их расселения”. Д. 537. Л. 22.
21. Ауман В.А. История российских немцев в документах (1763–1992) / В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 176.